

ДМИТРИЙ
ОВСЯННИКОВ

БРАБАНТСКИЙ
МАСТЕР
ИЕРОНИМ
БОСХ

РОМАН

Москва Издательский Дом Мещерякова 2023
Издательство «Обложка»

Сокровище Вильгельма Оранского

Заскрипел ворот. Толстая, и без того туго натянутая веревка, пропущенная через блок, поползла вверх. Подвешенный за руки человек резко вскрикнул, закачавшись из стороны в сторону. После затишья, уронив голову на грудь.

— Прикажете добавить грузы? — Заплечных дел мастер повернулся к высокому седобородому сеньору, сидевшему в кресле. Тот руководил допросом. На него же посмотрели двое других, помладше, так же, как и он, облаченные в дублеты офицеров испанской армии. Секретарь, сидевший чуть поодаль, снова обмакнул перо в чернильницу — было видно, что с самого начала допроса ему нечего заносить в протокол.

Седобородый молча взглянул на дыбу, прищурился на испытуемого. Затем сделал останавливающий жест рукой.

— Я не понимаю твоего упорства, Ханс. — Обращаясь к подвешенному, сеньор заговорил по-брабантски. Было видно, что местная речь, хоть и знакомая, дается ему не без труда — верно подобранные слова звучали с сильнейшим испанским акцентом. — Принц Вильгельм Оранский, твой хозяин, сбежал, даже не позаботившись забрать тебя с собой. Оставил тебя на милость... впрочем, оставил там, где тебе место, в твоём родном городе. Под властью законного государя.

Испытуемый промычал что-то невнятное.

— Ты не беглец и не мятежник, — продолжал седобородый. — Ты честный человек не в пример своему господину. Возможно, ты даже не еретик, а добрый католик, но речь не о твоей вере. Поверь, Ханс, мне нет до нее никакого дела. А тебе ни к чему запираяться. Взгляни, куда привело тебя твое упорство. Оно привело тебя на дыбу. Нехорошо, Ханс!

Испытуемый молчал.

ЧАСТЬ I

УЧЕНИК

Кувшин и альрауны *

Среди болотистых низин, лугов и заводей, на слиянии рек Аа и Доммел, некогда шумел густой лес — охотничьи угодья сеньоров Брабантских. Пролетали годы, сменялись века. Все чаще в лес навевались люди, все реже среди них встречались охотники господской свиты. Да и приходили они не ради охоты. Наступило то время, когда усадьба, где останавливались знатные господа и их гости, перестала быть единственным человеческим жилищем в лесу. Да и самому лесу пришлось потесниться — на его месте раскинулось многолюдное селение. От охотничьих угодий оно и получило свое название — Герцогский лес. Так оно называлось на языках всех народов, среди которых оно было известно, будь то немцы, французы или фламандцы. Не оставили его без внимания и знатоки книжной латыни — именно латинское название можно видеть на старых картах. Чаще всего селение называли по-фламандски — Хертогенбос.

Надо отдать должное сеньорам — они вовремя оценили пользу, которую обещал новый, обжитой людьми вид их владения. Генрих Смелый, граф Брюсселя и герцог Брабанта, прославленный крестоносец и герой обороны Иерусалима, получив Хертогенбос под свою руку, даровал ему статус города. С тех пор на торговом пути из Брюгге в Кёльн изрядно прибавилось купцов и ремесленников. Город креп, богател и разрастался. Название «Хертогенбос» зазвучало заманчиво, оно привлекало многих смет-

* В фольклоре народов Западной Европы — мелкие и уродливые человекоподобные существа вроде гоблинов (здесь и далее примеч. авт.).

ливых да оборотистых. Впрочем, населявшие новый город бюргеры через раз называли его по-простому — Босхом.

С высоты холма открывается вид на долину. Обширная, насколько хватает глаз, она изрезана, помимо рек, множеством ручьев и каналов — Хертогенбос стоит на болотистой земле. Впрочем, в достатке здесь и полей, и лугов — за сотни лет люди немало потрудились, отвоевывая у топей драгоценную землю. На холмах вращают крыльями ветряные мельницы, мимо них вдаль тянутся дороги. По дорогам спешат путники самого разного рода, скрипят одинокие повозки, движутся обозы. В древние времена все дороги вели в Рим. Позже примеру вечного города последовали города помоложе, во множестве разросшиеся по всей Европе. Конечно, стянуть к себе абсолютно все дороги не удалось бы ни одному из них, но все окрестные дороги сходились возле этих городов. Хертогенбосу даже повезло — помимо дорог, идущих по суше, ему достались судоходные пути, проложенные по ближайшим рекам и каналам.

Сказывали, что в прежние времена селение было неприступно из-за окружающих его болот. Злые языки даже прозывали его логовом дракона. Впрочем, любой местный житель — а им лучше знать — с уверенностью сказал бы, что драконов здесь отродясь не водилось. Поэтому горожане позаботились о своей защите сами — город в долине окружили надежной стеной, а кроме того, обнесли рвом, наполненным водой.

В остальном Хертогенбос — вполне миролюбивый город. Жители валяют и продают сукно, куют и плавят металл, делают ножи, а церковные колокола работы здешних мастеров славятся по всей Северной Европе, и дело литейщиков процветает. Особо почитаемы среди них братья Хурнкен.

Хертогенбос — не самый большой из городов Брабанта, хотя величиной уступает только Брюсселю, Антверпену и Лувену. Жители здесь — большей частью торговый и мастеровой люд, благородные господа встречаются нечасто. Быть может, поэтому город и не может похвалиться

посетившем Божий дом. Мне думается, мастер Антоний, что воздействие таких картин на людей будет значительно сильнее тех, что просто поражают нездешней красотой.

— Благодарю, — кивнул художник. — Я много думал об этом, но вы сумели коротко и ясно изложить мои мысли. Ведь достоверность — это то самое, чего мне хотелось бы добиться. Вы знаете, что меня занимают люди. Их внешность, движения тел, выражения лиц. Все понимают, что они, люди, не бывают малоподвижными, бесстрастными, одинаковыми по росту и телосложению. Редко носят безупречно чистые платья и обувь.

— Я полагаю, что именно в открытии достоверного изображения кроется будущий успех ваших учеников, мастер Антоний. Ведь им рано или поздно придется соперничать со школами братьев ван Эйк, Кампена и подобных им. Но есть еще один способ.

— Какой же?

— Я уже говорил, что триптих рассказывает истории по воскресеньям. Если на картине всего одна история, она быстро наскучит. Ее разглядят за несколько месяцев, самое большее — за год. После триптих перестанет привлекать внимание. Но если бы насытить его множеством сюжетов!

— Все так. — Мастер Антоний подошел к окну, указал рукой на рынок. — Вот, ради примера можно даже не выходить за порог. Что ни прилавок — своя история.

— Вы позволите мне взглянуть на работы ваших учеников?

— Если угодно.

Живописец разложил перед ученым несколько листов с набросками. С краю он кое-как пристроил Йерунов кувшин, обсиженный альраунами, и сильно удивился, что именно он привлек внимание мэтра Иоганнеса.

— Я никак не могу отвести младшего от этого озорства, — вздохнул ван Акен.

— Не надо отваживать, что вы! — горячо возразил ван Вейден, не отрывая глаз от альраунов. — Похоже, мальчик способен уловить то, о чем мы только что говорили! Мне думается, что детское внимание подобно самой

широкой и самой вместительной сети, способной перекрыть от края до края хоть целый океан. От него ничто не скроется. Не лишайте Йеруна столь редкого орудия! Постарайтесь приспособить его к делу.

— Прежде мне казалось, что его склонность к мелкому рисунку годится только для изображения маргиналий в книгах! Я бы желал для своих наследников более благородных работ.

— Одно другому не мешает! У вас в руках два превосходных подхода к изображению, достоверность и обилие ярких образов! А с учетом высокой школы, вроде той, что представлена на алтаре в Генте, уже три! Подобному богатству может позавидовать любая мастерская. Распорядитесь им наилучшим образом, мастер Антоний! Я верю, что ваши ученики смогут создать шедевры.

Сова Минерва

Ян, средний из трех братьев ван Акен, угрюмый здоровяк, что есть силы налегал на грифель. Складки ткани, которые старался изобразить ученик художника, выходили из рук вон плохо. Ворча и переводя дух, Ян снова и снова принимался за работу.

— Йерун, зачем ты держишь в мастерской эту дрянь? — Оторвавшись от работы, Ян с неодобрением посмотрел на небольшую сову. Птица устроилась на насесте напротив того места, где обыкновенно трудился Йерун, младший из братьев. Она облюбовала нишу в темном углу за шкафом — ни дать ни взять дупло, как раз по росту. До сих пор сова деловито чистила клювом лапу, но, услышав слова Яна, насторожилась. Она повернула голову и устала на него два неподвижных черных глаза.

— Вон, полюбуйся! — проворчал Ян. — Бессловесная, а понимает! Ух, бестия! — Он погрозил сове кулаком. Та продолжала смотреть, как будто силилась разобрать человеческую речь.

— Триптих. Пусть распятая мученица будет изображена на центральной части, изображения на боковых — по вашему усмотрению.

* * *

Подходящую для триптиха доску искать не пришлось — она весьма кстати оказалась в мастерской Йеруна. Ранее художник взялся за триптих по заказу знатных господ из Гента, но те отказались от произведения вскоре после начала работ. Триптих остался незавершенным. На боковых створках так и сохранились изображения для незадачливых заказчиков — Йерун решил, что написать поверх них новое не составит труда. Центральная же часть оставалась нетронутой — художник даже не успел нанести набросок.

Йеруна удивляло то, на чем в конце концов остановились венецианские заказчики. Их пожелание свелось к самому обыкновенному изображению мученичества святой, имя которой не было известно в Италии, причем изображение следовало сделать без особых изысков.

— Все потому, что пристрастия у людей разнятся, — усмехнулся он, вспомнив слова Федерико. И тут же дал ответ сам себе — то, что заурядно в Брабанте, будет настоящей диковинкой в Венеции. Правда, исполнить такое мог бы любой художник из Хертогенбоса, однако же иметь дело с авторами без громкого имени итальянцы не пожелали.

Что ж, пусть будет так, как хотят братья Дореа. К тому же иноземцы не поскупились, заплатив вперед — должно быть, сыграло роль то самое громкое имя. Да и о рекомендации братства забывать не стоит. Йерун решил, что обязательно щедро пожертвует собору Святого Иоанна, когда триптих будет завершен и оплачен полностью.

Центральная часть триптиха не была большой — чуть больше трех футов в ширину и в высоту, с соразмерными створками. Взяв в руки свинцовый грифель, Йерун принялся делать набросок распятой мученицы. Знакомые ему изображения Вильгефортис мало отличались от распятого Христа, с той лишь разницей, что стойкую деву рисова-

ли одетой, венец на голове принцессы не был терновым, а по бокам не стояли еще два креста с распятыми разбойниками. Чаще всего Вильгефортис принимала крестную муку в гордом одиночестве — поблизости не изображали даже стражников, которым, по здравому размышлению, следовало быть; лишь изредка на картине появлялись коленопреклонные заказчики.

— Забавная выходит история. — Йерун задумчиво обратился сам к себе. — Как будто благочестивый католик, а то и двое, набрели в пути на распятую знатную деву с бородой на лице, да здесь же и вздумали помолиться. Вот это уж точно удивительно, никаким альраунам не сравниться с этим!

Грифель с тихим поскрипыванием ходил по доске, средняя часть триптиха покрывалась набросками людей.

— Толпа зевак, — рассуждал вслух художник. — Толпа зевак, это уж как вам угодно. И не таких, как на Голгофе. Кто мог пожелать смерти принцессы, кроме разгневанного отца-язычника? То-то же, никто. Изумление, сожаление, горе, много горя, но злорадства здесь не будет. Там никто не кричал: «Распни ее!» Воскреснуть ей тоже не довелось.

Сейчас каждый человек был изображен лишь несколькими линиями и увенчан кружком в том месте, где предстояло написать голову. Однако Йерун уже видел каждую фигуру так, как будто она была завершена, — оставалось только закончить рисунок. Наметив фигуры людей, обступивших крест, и сам крест, Йерун принялся за фигуру распятой мученицы. Он изобразил ее сразу же, отошел взглянуть — и отрицательно покачал головой. Фигура распятой показалась мастеру тяжеловесной, угловатой, как будто на кресте вместо принцессы оказался кто-то из рыцарей. Размяв в пальцах хлебный мякиш, художник стер изображение.

Он взял небольшую дощечку и принялся чертить на ней одну только принцессу. Конечно, за долгие годы художник перерисовал бесчисленное множество женских фигур, но здесь как будто не годился весь его предыдущий

закажут оформление очередной процессии. И всякий раз давал себе слово, что сумеет расцветить карнавал такими чудесами, каких город не видывал со дня основания.

В воображении юноши всадники ехали не на простых животных, а на диковинных, описанных в бестиариях, — верблюдах и антилопах, полосатых лошадях, грифонах и единорогах всех мастей. О них сейчас мало кто задумывается, многие даже не верят. Но говорят, что все эти звери водятся в дальних странах. В Индии или Ливии — неужели настолько далеко? А как бы хотелось показать их людям, хотя бы близкое подобие! Как бы изобразить это? Надеть маски на лошадей? Нужно подумать об этом, решил Йерун. Для начала просто попробовать изобразить удивительных зверей, хотя бы для себя. Пригодится в будущем.

А птицы, даже самые обыкновенные? За ними и ходить далеко не нужно! Как запестрит, какими удивительными красками заиграет карнавал, если рядом с людьми появятся щеглы и синицы, селезни и зимородки, совы — куда же без них? Простой, вроде бы неприметный воробей и тот красив по-своему, нужно только приглядеться к его пестрому оперению. А чтобы сделать птиц более заметными, их следует изобразить ростом с человека — вот это будет необычно! И уж точно не забудется. Пусть все люди узнают, как велик и многообразен этот мир! Пусть порадуются и этому тоже, а не только тому, что на три дня отменили запреты, а кары небес и муки ада ненадолго перестали нагонять ужас.

— Пойдем, Йерун. — Ян хлопнул брата по плечу, ненароком вытряхнув его из размышлений о будущих процессиях. — Поедим оладий.

Впрочем, ни Яну, ни Яну вместе с Гуссеном, ни им обоим вместе с оладьями и даже с пивом не удалось бы отвлечь Йеруна надолго. Но это удалось другому. Вернее, другой, даже не помышлявшей в тот миг о младшем сыне городского живописца.

Белая дама

Платье с широкими рукавами, перехваченное в талии длинным поясом, идеально шло ей, придавая еще больше грации и без того изящной фигуре. Цвет платья не был ни красным, ни розовым — Йерун, привычно подумав про цвет, не назвал подходящего, однако сразу же понял, как получить подобный оттенок. Для этого следовало добавить к ярко-розовому капельку синего. Ближе всего к этому оттенку был цвет зимнего неба на рассвете, когда лучи солнца, еще не показавшегося из-за горизонта, уже встретились с темно-синими облаками. Как раз темно-синим был пояс красавицы. Ее волосы — не белокурые, как у ангелов, изображенных на фресках, а густые, темно-русые — плащом спадали на спину и почти достигали колен. Прическа выглядела простой, но удивительно гармоничной: распущенные волосы только у висков были заплетены в косы, собранные на затылке. Девушка казалась самой светлой среди разноцветной праздничной толпы. И нет ничего странного в том, что, глядя на молодую женщину, Йерун в первую очередь вспомнил сказки о белых дамах. Однако эта мысль не испугала юношу, наоборот, он ощутил прилив радости.

В сказках и поверьях, которые доводилось слышать Йеруну, белые дамы при всей своей неземной красоте оставались существами злокозненными. Ими оказывались либо непокоенные души безвременно погибших дев, либо некие духи — сущности не человеческие и не Божественные, стало быть, причастные миру бесов. Встреча с белыми дамами не сулила героям сказок ничего хорошего — даже за благоволением, дарами и дружбой следовала кара. Что ж, дамам приписывали колдовскую силу и мстительный нрав. Самое простое и нестрашное, что человек мог получить от белой дамы в итоге — это до конца своих дней потерять покой.

Йерун не боялся белых дам. Он никогда не считал их злыми духами, охочими до человеческих душ и страданий. Юноша был твердо уверен, что прекрасное не может быть злым и что сам Люцифер, искушая праведников,

Обоз остановился в селении на расстоянии одного дневного перехода до Бреды. Йерун уже привык к тому, что обоз не задерживается в попутных городах надолго, и если останавливается торговать, то ограничивается местами вне городских стен. Поэтому перед глазами юноши изо дня в день проходили одни и те же виды — поля и луга, изредка пересеченные лесами, покрытые соломой деревни, небольшие реки и каналы. Все города снаружи мало отличались от Хертогенбоса — серые крепостные стены и башни в окружении рвов да рынки снаружи стен, наподобие того, что Йерун впервые увидел в Тилбурге. Навстречу чаще всего попадались такие же торговые обозы, реже — одинокие путники или рыцари в окружении слуг и оруженосцев. Раз или два встретился цыганский табор — тут возчики, бранясь, осеняли себя крестным знаменем и выставляли напоказ оружие. Черные люди шумели, выкрикивая что-то на своем непонятном наречии, но старались не приближаться.

Ночь выдалась прескверная. Ветер поднялся такой силы, что, казалось, того и гляди улетит соломенная крыша дома, на чердаке которого Йеруну довелось ночевать — оба этажа были битком набиты расположившимися на ночлег обозниками. Люди спали вповалку, иным не хватило лежанок, лавок и сундуков — для них постелили прямо на полу. На чердаке оказалось холоднее, чем внизу, однако здесь было вдоволь свежего воздуха. Дом отапливали по-черному, на ночь выпустив через открытые двери весь дым очага, который еще не успел оказаться в глазах и легких у людей.

Что ж, на чердаке дыма не было. Никому не захотелось спать под самой крышей, так что Йерун оказался здесь в одиночестве. Не было здесь ни тесноты, ни удушливого запаха множества немых тел, завернутых в несвежую одежду. Никто не храпел и не пускал ветры. Но и здесь царил шум — правда, шум другого сорта. Он исходил не от людей. Это был шум недоброй ночи.

Ветер выл, снова и снова начиная свою песню, непонятную для человеческого уха, но неизменно тоскливую. Ветру вторили стропила, мертвым шорохом отзывалась соломенная кровля, при каждом порыве принимались петь на разные голоса многочисленные щели. Одна, самая громкая, не замолкала ни на миг — она жужжала сердитым оводом, только этот овод, судя по звуку, был размером с хорошую курицу.

И эти звуки вернули Йеруну все то, от чего он, как он думал, успел избавиться. Казалось, что затаившаяся до поры тоска явилась с новой силой, напитавшись всем недобрым, что было услышано в пути. Можно было думать, что эти слова и мысли, не принятые на веру, не имели силы над воображением художника, но нет. Лежа в полудреме — сон никак не шел к нему, — Йерун невольно начинал фантазировать, лишь бы не думать о плохом, но фантазия не радовала. Образы прибывали без спросу и без разбору, точно вода в половодье.

Если бы Йерун мог рисовать, он непременно занял бы рисунками всю припасенную с собой бумагу, но на чердаке было темно. Хозяева дома ни за что не согласились дать на чердак хотя бы жирник. «Много вас тут ночует! — надул щеки хозяин. — А дом у меня один. Еще беды наделаете!» Оставалось только запоминать — юноша решил, что непременно изобразит эти образы при первом же удобном случае.

Все началось с того, что на удивление ярко вспомнились двое бродячих музыкантов, встреченных накануне. Они спешили, переругиваясь на ходу. Один нес за спиной лютню, у другого на плече сидела крохотная мартышка, похожая на уродливого голого человечка с хвостом. Ближе к городу тот, что с лютней, остановился и, согнув левую ногу, приладил к колену деревяшку, а длинный подол грязной рубахи спустил так, что согнутой ноги не стало видно. Он ссутулился и взял под мышку костыль — так бродяга походил на одноногого калеку и мог рассчитывать на более щедрое подаяние. Теперь же, когда Йерун думал о них, кутаясь в одеяло на темном чердаке, бродяги представлялись ему полужверями. Затем придумался

Семь смертных грехов
и четыре последние вещи.
Фрагмент. Гордыня

Распятая мученица.
1500–1503

Смерть
скупца.
1500

Сад земных наслаждений. 1500–1510.

Центральная панель